

Н. А. МАЯСОВА

Литературный образ Ксении Годуновой и приписываемые ей произведения шитья

(К вопросу о взаимоотношении литературы, искусства и действительности)

На фоне бурных исторических событий начала XVII в. выступает прекрасный и трагический женский образ — царевна Ксения, любимая дочь «зело чудного» мужа, всеильного царя Бориса Федоровича Годунова. Ее красота, внутренние достоинства, трагическая судьба произвели большое впечатление на современников и получили отражение в записках иностранцев, русских повестях и народных песнях.

Так, чрезвычайно поэтичный портрет ее дает в своей «Повести» князь Иван Михайлович Катырев-Ростовский: «Царевна же Ксения, дщерь царя Бориса, девица сущи, отроковица чудного домышления, зелною красотою лепа, бела велми, ягодами румяна, червлена губами, очи имея черны великы, светлостию блистаяся; когда же в жалобе слезы изо очию испущаше, тогда наипаче светлостию блистаху зелною; бровми соузна, телом изобилна, млечною белостию облянна; возрастом ни висока ни ниска; власы имея черны, велики, акы трубы, по плещам лежаху. Во всех женах благочинниша и писанию книжному навична, многим цветяше благоречием, воистинну во всех своих делех чредима; гласы воспеваемыя любляше и песни духовныя любезне желаше».¹

Казалось, что прекрасную царевну ожидало счастливое и спокойное будущее. Стремясь укрепить международные связи, руководствуясь другими политическими соображениями, а вместе с тем желая возвысить в глазах подданных значение новой династии, Борис Годунов вскоре после востшествия на престол начинает искать жениха для своей дочери среди иностранных принцев.²

С этой целью еще в 1599 г. ведутся переговоры с Густавом, бежавшим из Швеции и скитающимся по Европе — сыном свергнутого шведского короля Эрика. 13 августа 1599 г. Густав прибыл в Москву, где был с почетом принят и обласкан царем. В Китай-городе ему был отведен большой

¹ Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского. — РИБ, т. XIII, СПб., 1909 (далее: Катырев-Ростовский), стлб. 621. Большинство исследователей относят написание «Повести» к 1626 г., считая автором ее Катырева-Ростовского лишь условно. Несомненно, однако, что кто бы ни был этим автором, являясь современником Ксении, он при создании ее портрета хотя и использовал литературные характеристики переводной «Троянской истории» (см.: История русской литературы, т. II, ч. 2. М.—Л., 1948, стр. 64), сумел дать яркий, запечатлевающийся образ, основанный на непосредственном наблюдении.

² Одновременно ведутся переговоры с английской королевой Елизаветой о женитьбе царевича Федора на одной из ее родственниц.

дом, а в удел дана Калуга с тремя городами. Годунов рассчитывал сделать из него вассального короля Ливонии. Густав был красив, умен, имел познания в науках, особенно в химии, знал несколько языков, но вскоре лишился милости царя, так как не желал действовать во вред Швеции и расстаться с привезенной из Данцига любовницей.³

В том же 1599 г. был послан к австрийскому императору Рудольфу дьяк Афанасий Власьев с тайной миссией о переговорах по поводу брака Ксении с братом императора эрцгерцогом Максимилианом,⁴ причем в наказе послу Годунов обещает дать Максимилиану «в вечное владение» великое княжество Тверское, разрешает ему остаться в католической вере, но ставит обязательным условие, чтобы герцог и Ксения жили в России, так как «у Светлейшего Великого князя одна только дочь наша государыня, отпускать ее как-либо нельзя, а оставаться им у Светлейшего царя и Великого князя».⁵ Эти переговоры были тоже вскоре оставлены⁶ и началось сватовство Ксении за герцога шлезвиг-голлштинского Иоанна, брата датского короля Христиана IV.

В Копенгагенском архиве сохранилась⁷ переписка, крестоцеловальные записи и другие документы по делу об этом сватовстве.⁸ Из них видно, что герцог Иоанн — или, как он здесь именуется, Ганс — отказывается от своих прав на Шлезвиг и Голштинию в пользу Христиана, за что король обязуется доставить его в Москву на свой счет, а по приезде туда выплатить ему 60 000 гульденов «чистым золотом», которые герцог должен хранить на «черный день».⁹ В свою очередь царь Борис Федорович жалует ему княжество Тверское и «землю важскую», да в приданое за дочьрью дает 400 000 золотых. Герцог должен жить в России, но за ним и его приближенными остается свобода вероисповедания и право навещать родных.¹⁰ Ко всем этим переговорам, которые ведутся в строжайшей

³ Его отослали в назначенный ему удел — Углич. По смерти Годунова он был привезен в Ярославль, а затем в Кашин, где и умер в 1607 г. См. о нем: Конрад Буссов. Московская хроника. М.—Л., 1961 (далее: Конрад Буссов), стр. 84—85; Исаак Масса. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937 (далее: Исаак Масса), стр. 54—57; Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. XI. СПб., 1844 (далее: Карамзин, т. XI), стр. 20—22.

⁴ Об этом сватовстве Н. М. Карамзин не упоминает. Однако в сборнике «Старина и новизна» (М., 1911) изданы «Материалы по смутному времени на Руси XVII в.», свидетельствующие об этом. Заключение этого брака диктовалось общими интересами России и Австрии в отношении Польши. В одном из документов Борис высказывается о возможном разделе Польши «между мною, зятем моим (т. е. Максимилианом) и цесарем» (там же, стр. 188).

⁵ Старина и новизна, 1911, стр. 306—308.

⁶ В это время ведутся и переговоры с английской королевой Елизаветой «о браке обоих детей государя», причем Елизавета, опасаясь за положение английской торговли в России, всячески старалась «противодействовать сближению России с Австрией и Данией и заключению брачного с ними союза». — Старина и новизна, 1911, стр. 327, прим. 1. С этой целью в Москву в 1601 г. была послана даже специальная миссия Джона Мерика (там же, стр. 320—339). Переговоры с Англией закончились ничем, так как предложенная в невесты Федору одна из дочерей графа Дербишского оказалась старше его на 5 лет. О других возможностях Елизавета отвечала уклончиво, а вскоре переписка прекратилась за смертью королевы (24 марта 1603 г.).

⁷ Исследователи отмечают, что в русских архивах эти дела почти полностью отсутствуют. Предполагается, что они были впоследствии уничтожены дьяком Афанасием Власьевым, находившимся, как известно, в большой милости у Лжедмитрия (Старина и новизна, 1911, стр. 339).

⁸ См. описание Ю. Н. Щербачева (Датский архив. Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене. 1326—1690 гг.). — ЧОИДР, 1893, кн. 1, Материалы исторические (далее: Датский архив), стр. 152—178.

⁹ Датский архив, стр. 153, д. № 556.

¹⁰ Там же, стр. 155, д. № 560.

тайне, примешиваются интересы датской торговли и вопрос о разделе Лапландии, которые, по-видимому, и определяли заинтересованность датчан в этом браке.¹¹

В августе 1601 г. из Архангельска в Копенгаген отплыли царские послы — думный дворянин Иван Степанович Ржевский и дьяк Постник Дмитриев. С ними было «изображение молодой княжны, весьма искусно сделанное ювелиром Яковом Ганом».¹² Вероятнее всего, это было не литое изображение, как другие работы этого мастера, а гравированный портрет.

В свою очередь в марте 1602 г. датскими послами был привезен в Москву «портрет помянутого брата короля»,¹³ а 19 сентября 1602 г. сюда прибыл и сам герцог со свитой из 342 человек.¹⁴ Его встречали с царскими почестями. Везли его в драгоценной карете, во все время пути царь одаривал его богатыми подарками, во всех городах стреляли из пушек. В Москву он въехал при колокольном звоне, встреченный всем царским синклитом и народом.¹⁵ При приеме царь и царевич встали и обняли его, и долго беседовали, и к столу звали «и честь была за столом королевичу великая, любительная и дары безчисленные многие: кубки и чарки, и платья, и бархаты, и камки, и лошади, и седла, и иное многое».¹⁶ Во время этого обеда в Грановитой палате «царица и молодая княжна видели герцога сквозь смотрельную решетку, но он их не видел».¹⁷

Иоанн «понравился самой дочери и родителям ее, царю и царице, и всем придворным, кто видел его, потому, что был не только благороден и богат, но и был молод, а главное настоящий красавец и большой ум-

¹¹ В одном из писем Христиан просит герцога воздействовать на царя через Ксению в лапландском вопросе и в вопросе о льготах датским купцам (Датский архив, стр. 163, д. № 587). Брак должен был также скрепить союз обоих государств против Швеции и Польши. Кроме того, здесь ярко проявляется соперничество датских купцов с английскими. Так, в инструкции короля Христиана его послам в Москву Нильсу Крагу и Клаусу Пасселиху от декабря 1601 г. дается указание «просить царя о подтверждении его подписью и печатью свадебного договора, просить его также о том, чтобы с английским посольством, едущим к царю ходатайствовать о привилегиях и договариваться о других „больших делах“, ничего окончательно заключаемого не было, впредь до прибытия датских больших послов» (там же, стр. 156, д. № 563).

¹² Исаак Масса, стр. 63. По известию того же Массы, этот Яков Ган, кроме того, «отлил 12 апостолов, Иисуса Христа и архангела Гавриила» для задуманного Борисом Годуновым храма «Святая Святых» (там же, стр. 63). В приходо-расходных книгах Оружейной палаты за 70—80-е годы XVII в. встречается «костяного дела токарь» иноземец, названный англичанином, Иоган Ган (см.: ЦГАДА, ф. Оружейной палаты, кн. 961, л. 56—56 об. и др.). За эти сведения приношу благодарность В. А. Кучкину. Возможно, что этот мастер происходил из той же семьи иноземных мастеров, что и наш Яков Ган.

¹³ Донесение английского посланника Джона Мерика (см.: Материалы по смутному времени на Руси XVII в., стр. 330).

¹⁴ Датский архив, стр. 165, д. № 600.

¹⁵ Путешествие и пребывание герцога в Москве подробно описаны в дневнике сопровождавшего его датского посла Акселя Гюльденстиерне «Путешествие его княжеской светлости герцога Ганса Шлезвиг-Голштинского в Россию 1602», см.: ЧОИДР, кн. 3, 1911 (далее: Путешествие), стр. 1—64. О встрече герцога см. также: Исаак Масса, стр. 65—67; Н. М. Карамзин, т. XI, стр. 28—30 (здесь он ссылается на датские издания).

¹⁶ О. А. Яковлева. Пискаревский летописец. — В кн.: Материалы по истории СССР, т. II. М., 1955, стр. 106. «После стола его Величество, а после того Царевич, сняв с себя по дорожной цепи, полны сажены алмазы и яхонты, и клали на его княжескую милость с великой честью» (Описание Иоаннова путешествия, пребывания в Москве, болезни и смерти его, напечатано в Магдебурге в 1604 г. См.: Карамзин, т. XI, прим. 60; И. Масса, стр. 67).

¹⁷ И. Масса, стр. 67. Здесь имеется в виду «смотрильная палатка» или «тайник», устроенный в Грановитой палате, для того чтобы царица, царевны, малолетние царевичи и другие царские родственники могли смотреть на церемонии, происходящие там. См.: И. Забелин. Домашний быт русских царей, ч. I. М., 1895, стр. 653.

ница. Царь и царица весьма полюбили его и ежедневно принимали его во дворце, желая устроить брак». ¹⁸

В октябре вся царская семья отправилась в Троице-Сергиев монастырь, где в течение девяти дней молились о счастье Ксении. ¹⁹ На обратном пути узнали, что герцог заболел горячкой, от которой он 28 октября и умер.

Были устроены торжественные похороны, ²⁰ во время которых «царь с сыном плача провожал усопшего две улицы по Москве». «Борис очень его любил и впал в глубокую печаль, так что едва мог утешиться». ²¹ Еще более должна была горевать невеста. ²²

Борис и Христиан обмениваются сочувственными письмами и, оба заинтересованные в более тесном союзе, уже в январе 1603 г. начинают новое сватовство Ксении за одного из сыновей дяди короля, герцога Филиппа. Посланный в Данию дьяк Афанасий Власьев привозит портрет нового жениха. ²³

Но бурные и трагические события неожиданно вторгаются в судьбу Ксении.

В начале 1604 г. в Польше появляется Самозванец; в октябре 1604 г. его войско переходит границы Московского государства. 13 апреля 1605 г. скоропостижно умирает царь Борис Федорович Годунов. 1 июня возбужденный грамотами Лжедмитрия народ вторгается в Кремль, провозглашенного царем Федора Борисовича с матерью и сестрой сажают под стражу на их прежний двор. 10 июня Федор и царица Мария были умерщвлены боярами. ²⁴ Ксению же Лжедмитрий «повеле от смерти

¹⁸ Это свидетельство елассонского архиепископа Арсения, с 1589 г. служившего в Архангельском соборе, очень интересно. См.: Д. Дмитриевский. Архиепископ елассонский Арсений и мемуары его из русской истории. Киев, 1899 (далее: Дмитриевский), стр. 95. Исаак Масса (стр. 69) так описывает герцога: «Он был юноша высокого роста, красивый, благонравный и скромный, с большим носом».

¹⁹ См. описание этой очень торжественной поездки у Карамзина, (т. XI, стр. 31 и прим. 64) и в «Путешествии» Акселя Гюльденстиерне. Здесь говорится, что царь с семьей из Москвы выехал 6 октября, а вернулся 17 октября (стр. 25, 26, 28).

²⁰ Царь «повеле его погresti по их вере, и погребоша его в слободе в Кукуе у ропаты Немецкой» (Новый летописец. ПСРЛ, т. XIV, первая половина, СПб., 1910, стр. 57). В 1637 г. его останки были перевезены в Данию в королевский склеп.

²¹ Ходили слухи, говорит Исаак Масса, что герцог был отравлен (стр. 69). Летописец в смерти Иоанна винит Бориса: «Доиде же то до царя Бориса, что его (Иоанна, — Н. М.) любят всю землю. Он же яростно наполился и зависти, и начаяше тово, что по смерти моеи не посадят сына моего на царство, начат королевича не любити и не пощади дочери своей и повеле Семену Годунову, как бы над ним промыслити» (ПСРЛ, т. XIV, стр. 56). Но это известие явно тенденциозно. Борис навещал большого герцога, очень горевал по нем, сердился на докторов и долго носил траур (см.: И. Масса, стр. 68—69; Путешествие, стр. 28—35, и др.; Карамзин, т. XI, прим. 73). Современники отмечают также щедрость Бориса, который отослал в Данию все, что привез с собой Иоанн и все свои дары ему. См., например: Конрад Буссов, стр. 87.

²² Карамзин (т. XI, стр. 32) без ссылки на источник пишет, что Борис пришел к Ксении и сказал ей: «„Любезная дочь! Твое счастье и мое утешение погибло!“ Она упала без чувства к ногам его».

²³ Датский архив, стр. 168, 175, 178. В своем письме от 25 июля 1603 г. Годунов благодарит Христиана за присланную «персону ардука» (там же, стр. 175). В то же время, стремясь подчинить России Грузию, Годунов имеет намерение завязать и с ней брачный союз. Его посол — думный дворянин Михаил Татищев в 1604 г. ведет переговоры о браке Федора с карталинской княжной Еленой, а Ксении с князем Хозроем (Карамзин, т. XI, стр. 40—42).

²⁴ Убийцами Марии и Федора были князья Голицын и Мосальский, дьяки Молчанов и Шерефединов. Придя на старый Борисов двор, они развели царицу и детей по разным комнатам. Марию сразу удавили, «царевича же многие часы давши, яко же не младости в те поры дал бог ему мужество. Те же их злодеи убонцы ужасошася, яко един с четырьмя борящися, един же от них злодей убонца взят его за тайные

соблюсти и в дому князя Василия Мосальского повеле ей пребывать».²⁵ Когда же он вошел в Москву, то «срамотне счиниша над нею и девство ея блудом оскверниша, а потом пострижи ея повеле».²⁶ «И велел ее сослать на Белоозеро, к Воскресенью Христову в девич монастырь в Горы».²⁷ Царевна Ксения превратилась в инокиню Ольгу.

Несчастливая судьба красавицы глубоко трогала современников. В упомянутой уже «Повести» Катырева-Ростовского помещено поэтическое и гневное отступление — «Укоры и поносы сему проклятому Ростриге о царевнине срамоте и пострижении»: «О волче хищенный, ненасытимый! не насытился еси сластолюбием кроме сия благородныя девицы! Множество честнейших жен и множество благолепых девиц во царствующем граде ненасытным своим блудным хотением осквернил еси, — почто сию благородную девицу, дочь цареву сушу, не пощадел еси, девственный чертог ея опорочил, ея же благородию во царствующем граде никто подобен, понеже во царском доме воспитана бысть по обычею своему? Благолепие же лица ея никто от синклит мог видети, мнози же благороднии юноши царского роду, от великаго Августа кесаря влекоми суть, сын великаго короля Датские земли, юноша zelo чюден образом и дела, и иныя мнози благороднии юноши, сея ради благородныя девицы, оставя свое отеческое царство и грады, приидоша рабски служити царю Борису, отцу ея, понеже превеликия Россия царя дочь во благородстве своем, яко цвет дивный, сияя, — ты же сию блудом осквернил и царское ея благородие обезчестил, и законному браку не сподоби, и облекл еси ея во мнишеский образ, и заточению предаде! Матерь же ея и едиnorodнаго брата ея, юношу пресветлаго, горкой смерти предал еси, — за сию бывшую скорбь почто девицы сия не помилова? О проклятый, богомерзкий еретик! Почто не усрамися таковаго дела сотвориши? Понеже на царский дом недостоин еси зрети, — ты же, безстудный, яко пес, на царский престол вскочи, и сидящаго на нем, царева сына и с материю его опроверже и горкия смерти сподоби, сию же девицу осквернив блудом и убогу учини и в пустыню заточи, ея же николи же могли видети».²⁸

Народные песни вкладывают в уста царевны, которая «гласы воспеваемыя любляше», своеобразные «плачи» над собственной участью:

уды и раздави». Народу же было объявлено, что Мария и Федор отравили себя ядом (ПСРЛ, т. XIV, часть первая, стр. 66). Похоронены они были «без всяких почестей и без каких-либо церемоний» (Конрад Буссов, стр. 107) в Варсонофьевском девичьем монастыре, находившемся между Сретенкой и Рождественкой и являвшемся, по свидетельству Карамзина, родовым кладбищем Годуновых (Карамзин, т. XI, стр. 351). Тула же Лжедмитрий приказал перенести из Архангельского собора и останки царя Бориса.

²⁵ К а т ы р е в - Р о с т о в с к и й, стлб. 578. Карамзин отмечает, что в одном рукописном известии о Самозванце прибавлено, что он, будучи монахом чудовским, видел Ксению в церкви (Карамзин, т. XI, стр. 348).

²⁶ К а т ы р е в - Р о с т о в с к и й, стлб. 578—579. Ксения была в наложницах у Лжедмитрия около пяти месяцев. Взял он ее к себе после коронации в июле, а 25 декабря сандомирский воевода Юрий Мнишек, отец невесты Лжедмитрия, писал ему: «Поелику известная царевна, Борисова дочь, близко вас находится, то благоволите... вняв совету благоразумных... людей, от себя ее отдалить» (СГД, ч. 2, М., 1819, стр. 243). Начальник французского отряда в иностранных войсках Делаварди Петр Делавиль пишет: «И когда Дмитрий короновался, то сделал наложницею своею дочь Бориса. Потом отослал он ее в монастырь, по обычаю земли, и некоторые говорят, что она родила потом сына». Последнее известие, по-видимому, недостоверно (см.: Краткая записка о том, что происходило в Московии от царствования Ивана Васильевича, императора, до Василия Ивановича Шуйского, сочиненная Петром Делавилем де Домбаль в 1611 г. — Русский вестник, т. 1, СПб., 1841, стр. 746).

²⁷ О. А. Яковлева. Пискаревский летописец, стр. 114.

²⁸ К а т ы р е в - Р о с т о в с к и й, стлб. 579—580.

А сплachtetца на Москве Царевна,
 Борисова дочь Годунова:
 Ино Боже, Спас милосердой!
 за что наше царство загибло,
 за батюшково ли согрешенье,
 за матушкино ли немоленье?
 А светы вы, наши высокие хоромы!
 кому вами будет владети
 после нашего царьсково житья?
 А светы, браные убрусы!
 береза ли вами крутити?
 А светы, золоты ширинки!
 лесы ли вами дарити?
 А светы, яхонты-серешки!
 на сучье ли вас задевати, —
 после царьского нашего житья,
 после батюшкова преставленья
 а света Бориса Годунова?
 А что едет к Москве Рострига,
 да хочет теремы ломати,
 меня хочет, Царевну, поимати,
 а на Устюжну на Железную отослати,
 меня хочет, Царевну, постритчи,
 а в решетчатой сад засадити.
 Ино ох-те мне горевати:
 как мне в темну келью ступити,
 у игуменьи благословитца?²⁹

В другой песне о Ксении, которая начинается словами: «Сплachtetца мала птичка, белая пелепелка. . .», она сравнивается с птичкой, чье гнездышко хотят «разорити», а «малыи дети побити».³⁰ Здесь выражается опасение, что царевне

чернеческого чину не здержати:
 отворити будет темна келья,
 на добрых молотцов посмотри.³¹

Характерно, что в обеих песнях, появившихся при жизни Ксении, о поругании ее Самозванцем говорится лишь намеком, что он хочет ее «поимати». «Народная фантазия, — как правильно замечает Ф. Буслев, — с глубоким эстетическим тактом пощадила свою прекрасную героиню, сохранив ее образ чистым, незапятнанным от прикосновения Расстриги».³²

Примечательно, что эту душевную чистоту Ксении подчеркивает и враждебно настроенный к Борису Годунову дьяк Иван Тимофеев. Сожалея, что ее, «преже в твердыхнах высоты царствия, при рожихих ю хранине сущей, едва солнце скважню виде ю когда», Лжедмитрий «без тоя

²⁹ П. К. Симо́ни. Великорусские песни, записанные в 1619—1620 гг. для Ричарда Джемса на крайнем севере Московского царства. СПб., 1907, стр. 10—12. См. также: В. Ф. Миллер. Исторические песни русского народа XVI—XVII вв. Пгр., 1915 (далее: В. Ф. Миллер), стр. 627—629.

³⁰ В противоположность этому поэтическому образу беззащитной, как перепелка, Ксении, в народных песнях жена Самозванца «люторка воровка Маринка» ассоциируется с жадной вороватой сорокой. См.: В. Ф. Миллер, стр. 598.

³¹ В. Ф. Миллер, стр. 5—7. Существует мнение, что сборник, в который вошли эти песни, «был составлен в Москве в служилой и торговой среде», причем песня, в которой Ксения сравнивается с перепелкой, вышла «из среды сочувствующих Годунову», так как в ней нет «осуждения ее родителей», тогда как в другой «ставится вопрос, за чью вину грозят такие беды девушке: „за батюшково ли согрешение, за матушкино ли немоленье?“». Эта песня могла «принадлежать сторонникам Шуйских или Романовых» (см.: История Москвы, т. I, М., 1952, стр. 631—632).

³² Ф. Буслев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. т. 1. СПб., 1861, стр. 529. Здесь также изданы обе песни о Ксении.

воля, яко несозрела класа, пожат, — во мнишеская облек», он с жаром утверждает, что «той и неповинне сущи ... не знаша бо, ниже сведуще преже, что есть плоти грех».³³

Причиной всех несчастий ни в чем неповинной красавицы современники считали «грехи» ее родителя, в особенности же его «ненасытное властолюбие», приведшее не только к падению династии, но и к разорению всей страны.³⁴

17 мая 1606 г. враг царевнин «Рострига» во время народного восстания был убит, но вскоре стали распространяться слухи о его спасении. Царь Василий Шуйский, принужденный бороться с тенью Дмитрия не только оружием, но и идеологическим воздействием, приказывает перенести из Углича в Архангельский собор останки царевича, а из Варсонофьевского монастыря в Троице-Сергиев гробы Бориса Годунова, его жены и сына.³⁵ Проводы (в сентябре 1606 г.) были торжественные. Шуйский, весьма непопулярный в народе и в свое время стоявший во главе боярской партии, свергнувшей династию Годуновых, стремится возложить на Лжедмитрия всю вину за убийство семьи Бориса, которого «теперь многие стали сильно оплакивать и жалеть».³⁶ «Тело Бориса, — рассказывает современник, — несли 20 монахов, его сына Федора Борисовича — 20 бояр, жены Бориса — также 20 бояр, а за этими тремя телами шли пешком до самых Троицких ворот все монахи, монашки, попы, князья и бояре, здесь они сели на коней, тела приказали положить на сани и сопровождали их в Троицкий монастырь»³⁷. . . Дочь Бориса Федоровича. . . ехала следом . . . в санях с пологом, причитала и голосила: „О горе мне, бедной покинутой сироте! Самозванец, который называл себя Дмитрием, а на самом деле был только обманщиком, погубил любезного моего батюшку, мою любезную матушку и любезного единственного брата и весь наш род, теперь его самого тоже погубили, и как при жизни, так и в смерти своей он принес много горя всей нашей земле. Суди его, господи, прокляни его, господи!“».³⁸

После проводов родных в Троице-Сергиев монастырь царевна поселилась поблизости в девичьем Подсосенском монастыре.³⁹ Когда 23 сен-

³³ Временник Ивана Тимофеева. М.—Л., 1951 (серия «Литературные памятники») (далее: Временник), стр. 85—86.

³⁴ Большинство современников, как русских, так и иностранцев, оставивших записки об этом времени, отмечают необыкновенные способности Бориса Годунова как человека и государственного деятеля, установившего «праведное и крепкое правление», за что он «всем любезен быть». «Клятвopеступление» же «российского народа» этому достойному царю и его семейству и все следовавшие за этим беды стремились объяснить небесным возмездием за «ненасытное властолюбие» Бориса и за другие приписываемые ему «грехи». После же канонизации Дмитрия распространяемые врагами Бориса слухи об «убиении» по его приказу царевича стали официальной версией, которая так или иначе должна была отразиться в литературных произведениях того времени.

³⁵ С той же целью 3 февраля 1607 г. царем Василием Шуйским и патриархом Гермогеном было послано в Старицу за бывшим патриархом Иовом «для соборного разрешения Российского народа в клятвopеступлении царю Борису Федоровичу и его семейству» (ААЭ, т. II, СПб., 1836, № 67, стр. 148). См. также: Карамзин. История государства российского, т. XII, СПб., 1892, стлб. 28—30.

³⁶ Конрад Буссов, стр. 37.

³⁷ Они были положены под западной папертью Успенского собора. В 1781 г., когда паперть разобрали, над Годуновыми была устроена палатка-усыпальница.

³⁸ Конрад Буссов, стр. 137. То же у Мартина Бера (См.: Н. Г. Устрялов. Сказание современников о Дмитрии Самозванце, ч. 1, СПб., 1858, стр. 81).

³⁹ Монастырь находился в 8 км от Троицкого, у так называемого Торбева озера. При Борисе Годунове в 1602 г. «поставлен храм Пречистые Богородицы камен, о пяти верхах, именуется „под сосенками“ в девичьем монастыре, близ Троицы живоначальная Сергиева монастыря» (О. А. Яковлева. Пискаревский летописец, стр. 107).

тября 1608 г. отряды «Тушинского вора» начали осаду Троицкого монастыря, инокиня Ольга вместе с другими жителями окрестных сел и монастырей оказалась в осаде за его стенами. Сохранилось ее письмо от 29 марта 1609 г. в Москву к тетке, где она жалуется, что «в своих бедах чуть жива, конечно болна со всеми старицами; а впредь никак не чаем себе живота, с часу на час ожидаем смерти, потому что у нас в осаде шатость и измена великая... Да у нас же... моровая поветрея... на всякий день хоронят мертвых человек по двадцати и по тридцати и болши». Царевна просит написать «про Московское житье, про все подлинно».⁴⁰

После снятия осады, в январе 1610 г., инокиня Ольга переехала в Москву, в Новодевичий монастырь. Но и здесь ее подстерегали несчастья. В одной из грамот, появившихся в конце января 1612 г. в Костроме и Ярославле с увещанием московских бояр отложиться от Заруцкого, говорится: «... а когда Ивашка Заруцкий с товарищами Девиный монастырь взяли, то они церковь божию разорили и черниц — королеву, дочь князя Владимира Андреевича⁴¹ и Ольгу, дочь царя Бориса, на которых прежде взглянуть не смели, ограбили до нага, а других бедных черниц и девиц грабили и на блуд брали. и как пошли из монастыря, то церковь и монастырь выжгли».⁴²

Об этом периоде жизни царевны свидетельствует также Иван Тимофеев. Сожалея о ее судьбе, он пишет: «И от места на место и от лавры в лавру она прохождение подъя. И до толика безславия жизнь ее протяжеса, яко и до еже, — егда всему царску граду объяту от противных и во obleжании бывшу, в нем той с прочими затворне, — всякого безчестия скудость и нужду претерпети, даже и до сего, яко и иноплемненных язык, самых врагов отца ея, ту уничижене руки осязаша. Прочее же помолчю».⁴³

Ксения умерла в 1622 г. на 41-м году жизни⁴⁴ в суздальском Покровском девичьем монастыре.⁴⁵ Сохранился отрывок грамоты царя Михаила Федоровича к архиепископу суздальскому Арсению: «Ведомо нам учинилось, его царя Бориса Федоровича дочери, царевны старицы Ольги не

⁴⁰ ЛОИИ, ф. 124, № 278; АИ, т. II, СПб., 1841, № 182. Письмо адресовано жене кн. Ивана Андреевича Ноготкова, Домне Богдановне, дочери Богдана Юрьевича Сабурова.

⁴¹ Вместе с Ксенией в Подсосенском монастыре, затем в Троицком и Новодевичьем, жила дочь двоюродного брата Ивана Грозного Владимира Андреевича Старицкого — Мария (в иночестве Марфа), жена номинального короля Ливонии Магнуса.

⁴² С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. 8. М., 1960, стр. 664—665.

⁴³ Временник, стр. 86. Инокиня Ольга жила в шести монастырях.

⁴⁴ А. Б. Лобанов-Ростовский указывает год рождения Ксении — 1581 (Русская родословная книга, т. 1.2-е изд. СПб., 1895, стр. 156). В Русском биографическом словаре значится 1582 г. (т. «К», СПб., 1903, стр. 509).

⁴⁵ В источниках и литературе существует несколько версий о монастырях, в которых пребывала Ксения, а также о месте ее смерти. Н. И. Костомаров (Ксения Борисовна Годунова. Исторический вестник, т. XV, СПб., 1883, стр. 23), Лобанов-Ростовский (стр. 157) и другие на основании, по-видимому, неточного указания летописи (ПСРЛ, т. XIV, первая половина, стр. 66), что Ксения была пострижена во Владимир, в девичий монастырь, называют Владимирский Княгинин монастырь. В. Георгиевский говорит, что точно не известно, долго ли здесь жила царевна и в какое именно время, но скончалась не в этом монастыре (в кн.: В. Георгиевский. Владимир, Суздаль, Переславль-Залесский, СПб., 1913, стр. 25). С. М. Соловьев же (История России с древнейших времен, т. 9. М., стр. 271) и Д. Дмитриевский (стр. 45) считают местом ее смерти Суздальский Покровский монастырь, очевидно, основываясь на нижеприведенной грамоте к Суздальскому епископу Арсению, который вместе с архимандритом Суздальского же Спасо-Евфимьевского монастыря должен был перевезти тело царевны к Троице. Это последнее утверждение нам кажется наиболее обоснованным. Во Владимир же, по-видимому, она была переведена из Гориц вскоре после пострига.

стало; а по обещанию де своему, отходя сего света, приказала нам бити челом, чтоб нам пожаловати, тело ее велети погresti у живоначальныя Троицы в Сергиеве монастыре с отцом ее и с матерью вместе». Архиепископу предписывалось исполнить это завещание.⁴⁶

Во Вкладной книге Троице-Сергиева монастыря 1673 г. значится вклад Никиты Дмитриевича Вельяминова⁴⁷ «по црвне иноке Олге Борисовне» от сентября 7031 лета (1622 г.): образ Богоматери Одигитрии в серебряном позолоченом окладе с камнями и жемчугом; образ Спаса-Эммануила и образ «Видение чудотворца Сергия», оба в серебряных басменных окладах; золотой с мощами крест, украшенный камнями и жемчугом; серебряная панагия с изображениями Троицы, Богоматери Воплощения и Распятия; две братины с кровлями; чарка «мисюрская»; два «достаканца»; четыре чарки «медвяные»; тарелка, ложка, «три шубы собольи подкамками, шуба нагольная, две ряски тафтяные». По-видимому, это было все имущество, оставшееся от умершей. «И за тот вклад, — помечено во Вкладной книге, — тело царевны иноки Олги Борисовны погребли в дому живоначальныя Троицы и имя ее написали в вечныя сенаники с сельники».⁴⁸

Погребена была царевна по ее желанию рядом с родными под западной папертью Успенского собора. Резная надпись на ее гробнице гласит: «Лета 7130-го августа || в 30 д(е)н(ь) преставись бл(а)говерная || ц(а)-р(е)вна инока Ол(ь)га Борисовна».⁴⁹

26 октября 1945 г. известным антропологом М. М. Герасимовым гробницы Годуновых были вскрыты. К сожалению, захоронения оказались потревоженными грабителями, и содержимое гробов перемешано. От черепов ничего не сохранилось. Кроме костей плохой сохранности, здесь были обнаружены остатки гробов — дубовых колод и фрагменты одежд умерших. В гробнице Ксении найдены фрагменты коричневой и черной шерстяных тканей (мухояра), на последней следы мелких складок; а также кожаная на невысоком наборном каблуке туфелька с острым носком без задника, очень маленького размера.⁵⁰

⁴⁶ ААЭ, т. III, СПб., 1836, стр. 176, № 125.

⁴⁷ Вельяминовы-Зерновы были одного происхождения с Годуновыми, являясь младшей ветвью рода, ведущего свое начало от легендарного Мурзы Чета. Никита Дмитриевич Вельяминов был из семьи, близкой к Годуновым. Его отец Дмитрий Иванович был окольничим при царях Федоре и Борисе; сам он был чашником царя Бориса Годунова (впоследствии он упоминается как воевода, окольничий и боярин). Так как все родственники Бориса — Годуновы, Сабуровы и Вельяминовы — были разорены и высланы при Самозванце, Н. Д. Вельяминов, по-видимому, был ближайшим из оставшихся немногих родственников царевны и принял на себя роль ее душеприказчика.

⁴⁸ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря 1673 г., лл. 56 об.—57 (рукопись Загорского музея). Часть этих предметов хранится в Загорском музее. Среди них заслуживает внимания икона Богоматери Одигитрии, на полях которой имеются приписные святые. Подбор их, по-видимому, не случаен. Здесь изображена тезоименная святая вкладчицы — преподобная Ксения, суздальская святая княжна Евфросиния, праздник которой падает на Сергиев день — 25 сентября, что тоже знаменательно. Кроме того, здесь изображены «защитник бедных и несчастных» св. Амвросий или, как он здесь назван, «Амбросим», празднуемый 7 декабря, и Николай Чудотворец (отмечаемый 9 мая и 6 декабря). Возможно, что последние даты связаны с какими-то важными событиями жизни Ксении. Может быть, перенесение «мощей» Николая Чудотворца в Бари (9 мая) как-то ассоциировалось с перенесением останков родных царевны в Троицкий монастырь. Изображение суздальской святой свидетельствует, как нам кажется, о том, что последние годы жизни царевна провела в Суздале, и здесь была написана по ее заказу икона.

⁴⁹ В «Списке погребенных в Троицкой Сергиевой Лавре» (М., 1880, стр. 47, № 537) надпись издана с ошибками и пропусками.

⁵⁰ В гробнице царя Бориса Федоровича остались фрагменты шелковой камки с крупным стилизованным орнаментом в виде листьев и плодов, симметрично расхо-

Но это не все, что осталось от несчастной царевны. В Загорском музее хранится несколько произведений лицевого шитья, подаренных Троицкому монастырю царем Борисом Федоровичем;⁵¹ два из них монастырское предание приписывает рукоделию Ксении. Одно из них — покроец на гробницу Сергия, о котором Описание монастыря 1908 г. замечает, что он являлся вкладом царя Бориса Годунова «от усердия и трудов дочери его царевны Ксении Борисовны в 1601 году»⁵² (рис. 1).

Второе произведение — одежда на жертвенник, или индития, по той же Описи, «вышита собственными трудами и пожалована в обитель пр. Сергия царевною Ксениею Борисовною Годуновой в 1602 году»⁵³ (рис. 2)

Катырев-Ростовский говорит, что царевна «во всех женах благочиннейша» и «во всех своих делах чредима»,⁵⁴ а добрая репутация женщины в Древней Руси в значительной степени должна была зависеть от прилежания ее к рукоделиям. Недаром автор «Повести об Улянии Осориной», стремясь нарисовать идеальный образ русской женщины конца XVI—начала XVII в., неоднократно отмечает, что Уляния «по вся ночи без сна пребываше, в молбах и в рукоделии, в прядиве и в пляничном деле», к которым она «прилежание велие имяше»⁵⁵ В знаменитом «Домострое», приписываемом духовнику Ивана Грозного священнику Благовещенского собора Сильвестру, говорится, что «добрые жены рукодельные». В этом направлении предписывается здесь воспитывать и дочерей, и челядь. В главе «Послание и наказание от отца к сыну» автор пишет: «А мати твоя многие девицы и вдови пустошныя и убогия воспитала в добре наказании, изучила рукоделию и всякому домашнему обиходу».⁵⁶

Шитье церковных пелен и покровов считалось также делом богоугодным. Прилежание к рукоделиям включалось в число подвигов «святых» женщин. Так, блаженная княгиня Феврония «во храме пречистыя съборныя церкви своима рукама шиаше въздух, на нем же бе лики святых».⁵⁷ Поэтому шитьем церковных пелен вместе с мастерицами своих «светлиц» занимались и многие боярыни, княгини, царевны и царицы. В «Житии» Никиты Столника переяславского рассказывается, что первая жена Ивана Грозного царица Анастасия Романовна «своима рукама и бого-

дящихся от ствола; фрагменты другой шелковой, светло-коричневой ткани с узором из круглых цветов и гирлянд листьев, а также черной ткани, очевидно, от схимы. У Марии Григорьевны обнаружены остатки чепчика из плетеного кружева. Все эти фрагменты хранятся в Загорском музее и в 1960 г. были промыты, закреплены и дублированы реставратором Центральной Художественно-реставрационной мастерской М. П. Рябовой. Остатки же коричневой тафты и шелковой тесьмы (плетенки) дали ей возможность реконструировать покрой рубахи Федора Борисовича (см.: IV выставка «Реставрация и консервация произведений искусства». Каталог. М., 1963, стр. 52).

⁵¹ Кроме рассматриваемых ниже произведений, Борисом Годуновым подарены Троице-Сергиеву монастырю два покроя — с изображением «Явления богоматери Сергию» (с датой 1587 г.) и Сергия Радонежского, «жемчужная» пелена 1599 г. под знаменитую «Троицу» Андрея Рублева, а также два покроя («Богоматерь знамения» и «Агнец») и воздух («Христос во гробе») 1597 и 1598 гг. на церковные сосуды.

⁵² Описание Троице-Сергиевой лавры 1908 г., кн. 3, разд. 34, № 8, л. 267 (Рукопись Загорского музея).

⁵³ Там же, кн. 3, разд. 15, № 1, л. 11 об.

⁵⁴ Катырев-Ростовский, стлб. 621.

⁵⁵ Повесть об Улянии Осориной. В кн.: Русская повесть XVII в., М., 1954, стр. 40—41.

⁵⁶ Домострой Сильвестровского извода. СПб., 1902, гл. 64, стр. 67; см. также гл. 16, 20, 30 и др.

⁵⁷ М. О. Скрипиль. Повесть о Петре и Февронии (тексты). — ТОДРА, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 243.

лепными своими труды вышла на плащанице труд драгой камьки венедитцкой образ великаго чудотворца Никиты и златом каймы обложила и слова серебром круг плащаницы вышила, а подпис имя чудотворцево драгим жемчюгом и драгим каменнем и бисером многоценным украсила и

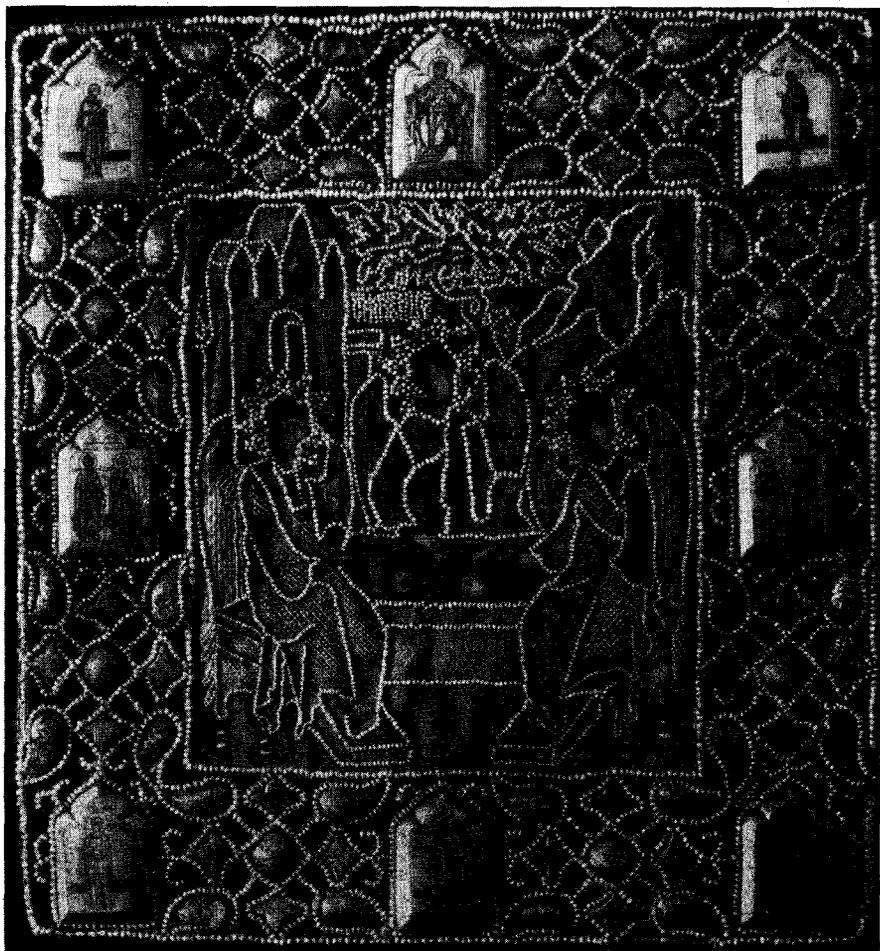

Рис. 1. Покровец на гробницу Сергия Радонежского с изображением Троицы. 1601 г. (Загорский музей, инв. № 392, 55×50 см). Работа приписывается Ксении Годуновой.

на раку чудотворцову положила».⁵⁸ Вышивала вместе со своими дочерьми и жена Михаила Федоровича Евдокия Лукьяновна и другие царицы.

Тем более должна была заниматься этим рукоделием дочь царя Бориса Годунова, дававшего в монастыри и церкви богатейшие вклады,⁵⁹

⁵⁸ Житие Никиты Столпника (ГПБ, собр. Погодина, № 1612, XVII в., л. 29). Ср.: А. Ф. Бычков. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки, ч. 1, СПб., 1882, стр. 212. Покров этот хранится во Владимирском историко-художественном музее.

⁵⁹ Современники отмечают, что Борис Годунов «о благочестии всяцем ревнитель усерден» (Временник, стр. 63).

отличающиеся не только материальной ценностью, но и тонким художественным вкусом. Борис Годунов, по-видимому, старался приучить своих детей к делам, достойным их сану. Федор и Ксения были грамотны. Известна карта Русского государства и Москвы, начерченная царевичем

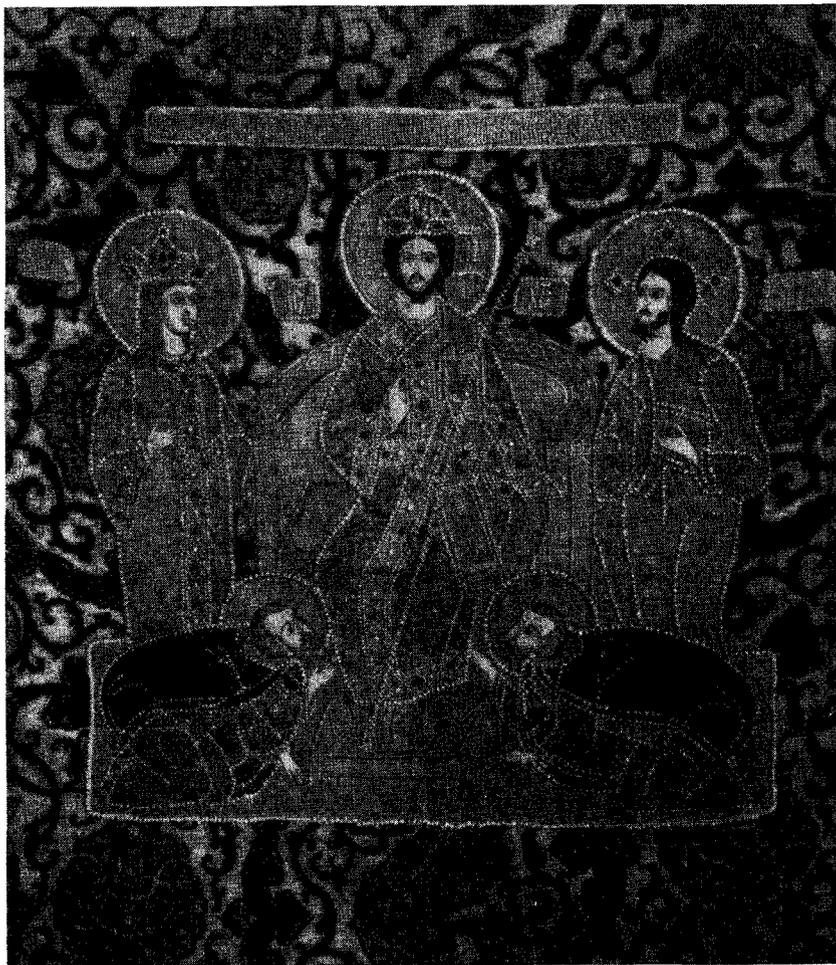

Рис. 2. Индия с изображением «Предста царица одесную тебе». 1602 г. (Загорский музей, инв. № 178, размер передней стороны 105×94 см). Работа приписывается Ксении Годуновой.

Федором. Он вместе с отцом присутствует при приеме послов и решении государственных дел.⁶⁰ Как женщина, лишенная возможности участвовать в общественной жизни, Ксения, естественно, должна была использовать свои способности в наиболее доступной ей области творчества — художественном шитье.

⁶⁰ Катырев-Ростовский говорит о царевиче Федоре, который «яко крин в поли цветущи», что он «научен же бе от отца своего книжному почитанию, и в ответех дивен и сладкоречив велми; пустошное же и гнило слово никогда же изо уст его исхожаше; о вере же и о поучении книжном со усердием прилежаше» (стлб. 621).

На обоих приписываемых Ксении произведениях вкладных надписей нет, но они значатся в древнейшей из сохранившихся Описей монастыря 1641 г.; о покровце там сказано: «дача царя и Великого князя Бориса Федоровича всеа Руси». ⁶¹ Как уже упоминалось, поздние монастырские Описи относят эти произведения к 1601 и 1602 гг. В это время идет сватовство Ксении за герцога Иоанна. Вероятно, с молением о счастье, о своей будущей судьбе вышивала их прекрасная царевна.

О значимости для вкладчика этих вещей говорят их назначение и содержание изображений. На покровце, ⁶² предназначенном для покрытия главы Сергия Радонежского на его гробнице, вышита ветхозаветная Троица, обычного в это время «рублевского» извода. Лики, руки и ноги ангелов шиты тонким сероватым шелком атласным швом, все остальное — золотыми и серебряными нитями с цветными шелковыми прикрепами, создающими различные узоры. В венцах ангелов жемчуг и драгоценные камни. Жемчугом же обнизаны все контуры изображения, рамки вокруг средника и всего покровца, а также серебряные позолоченные дробницы на каймах. Эти дробницы сами по себе являются замечательными художественными произведениями. Одни из них имеют форму перцев, другие трилистников, третьи ромбиков. Украшенные резным с чернью растительным орнаментом, они, красиво компануясь, составляют повторяющийся узор. Между этими фигурными дробницами расположено восемь больших киотчатых дробниц с черневыми изображениями. Наверху в центре — Отечество, по сторонам его Богоматерь и Иоанн Предтеча. На боковых каймах, слева — благоверные князья Борис и Глеб, справа — Федор Стратилат и Феодот Анкирский, а внизу в центре — преподобный Сергей и по сторонам его Мария Магдалина и «Ксения Римлянины». Таким образом, моление Ксении нашло здесь наиболее выразительное воплощение. Перед Троицей, идея которой усилена изображением Отечества, за вкладчиков молятся не только Богоматерь и Иоанн Предтеча, но и защитник всей земли русской и московских государей Сергей Преподобный и тезоименные святые семьи Годуновых. ⁶³ Покровец, несмотря на тонкое, искусное шитье, от обилия жемчуга и серебряных дробниц производит впечатление ювелирного произведения.

Больше возможностей судить об искусстве вышивальщицы дает одежда на жертвенник, или индития, с изображением «Предста царица одесную тебе». ⁶⁴ В центре на троне торжественно восседает Христос в архиерейском облачении, левой рукой он держит на коленях Евангелие, правая согнута у груди в благословляющем жесте. Справа от него стоит Богоматерь в виде царицы с короной на голове, слева — Иоанн Предтеча. У их ног коленапреклоненные чудотворцы Сергей и Никон Радонежские. Приподняв головы, они обращают взоры к Христу, в молитвенном жесте простерев к нему правые руки. Введением местных святых, молящихся за вкладчиков, углубляется основная мысль композиции, представляющей своеобразный вариант Деисуса.

⁶¹ Опись Троице-Сергиева монастыря 1641 г., 96 об. (рукопись Загорского музея).

⁶² Инв. № 392. Размер покровца 55 × 50 см.

⁶³ Этот подбор святых обычен для произведений, выполненных по заказу Бориса Годунова и его семьи. См., например, дробницы на так называемой «жемчужной» пелене вклада Годуновых в Троице-Сергиев монастырь в 1599 г.; роспись церкви в усадьбе Бориса Годунова — Вяземах и т. п. Среди этих святых сомнение может вызвать Феодот Анкирский. Но, как выяснила В. И. Антонова, Феодот (славянское — Богдан) — второе имя Бориса Годунова. См.: М. И. Антонова, Н. Е. Мневая. Каталог древнерусской живописи, т. II. М., 1963, №№ 550, 588, 805, 806.

⁶⁴ Инв. № 178. Размер передней стороны 105 × 94 см.

По мнению В. Н. Лазарева, иконография «Предста царица» сложилась у южных славян, откуда была занесена на Русь, где получила широкое распространение в XVI и XVII вв., называясь также «Спас великий архирей» и «Царь царем». Отмечая «намеренное подчеркивание представительного начала в трактовке образов Христа и Марии как царя и царицы», что превращало икону «в косвенную апологию самодержавной власти», В. Н. Лазарев этим обстоятельством и объясняет широкую популярность этого типа в культовом искусстве XVI—XVII вв.⁶⁵

Нам кажется, что наряду с этим здесь необходимо учитывать также то значение, которое на Руси придавалось «царице небесной» как заступнице за род людской, погрязший в грехах. Именно она, «чистая, непорочная мать божия», может умиловать разгневанного сына. К ней обращается Иван Грозный в час победы над Казанью: «Ты с всеми святыми... умолила Господа нашего Иисуса Христа...».⁶⁶

В этом отношении интересна «Повесть о видении некоему мужу духовну»,⁶⁷ возникшая в 1606 г. В ней рассказывается как «некий муж духовный» молился Христу и «Пречистой его матери, заступнице нашей Богородицы Марии—о мире всего мира и о нынешних лютых, на нас нашедших», во сне услышал звон колоколов Ивана Великого и увидел через открытые двери Успенского собора «Господа мсего, сидяща на престоле, ангелы обстоима, и Пречистую Богородицу, надежду нашу и заступницу, одесную престола стоящу, и Предотецю Крестителя Ивана о левую», вокруг пророков, апостолов и многих святых. «И видех святыю Богородицу, молящуся Сыну своему... и слышах глас умильный... к сыну своему глаголюща: О сыну мой боже! Приими молитву матери твоея, пощади люди своя...»; и после многих ее молитв последовал ответ: «Тебе ради Мати моя пощажу их, аще покаются». И тогда один из предстоящих спросил «мужа духовна», слышал ли он «господня милости и мать Его, наша Царицы, молитвы и прошения за весь род крестьянский? Иди убо и поведай». «Муж духовный», как рассказывается в «Повести», поведал о «видении» благовещенскому протопопу Терентию, а тот записал и отдал патриарху и царю. «И то видение чли по царьскому велению» всенародно в Успенском и Благовещенском соборах и «пост учинили во царьстве, велик и мал, лета 7115-го с октября с 14-го числа... по октябрь же по 19-й день... и молебны пели по всем храмам... чтобы господь Бог отвратил от нас праведный свой гнев и укрогил бы междуусобную брань...».

Не сыграла ли эта повесть, всенародно читанная в главных храмах Москвы, свою роль в распространении иконографического типа «Предста царица одесную тебе» в XVII в.?

Красивая и торжественная, поистине царственная композиция, отвечающая стремлениям новой русской династии, композиция, в которой одна из главных ролей отводится «царице небесной», заступнице за людей во время постигших их бед и трудностей, по-видимому, привлекла в свое время и Ксению Годунову. Иконное же изображение с этим сюжетом Ксения могла видеть в Кремлевском Успенском соборе, в местном ряду иконостаса которого и теперь стоит икона «Предста царица», счи-

⁶⁵ В. Н. Лазарев. 1) Живопись и скульптура великокняжеской Москвы. В кн.: История русского искусства, т. III. 1955, стр. 98—99; 2) Искусство Новгорода. М.—Л., 1947, стр. 86—89, 120.

⁶⁶ Никоновская летопись (ПСРЛ, т. XIII, СПб., 1904, стр. 219).

⁶⁷ РИБ, т. XIII, стлб. 177—184.

тающаяся работой сербских мастеров XIV в.⁶⁸ Она числится здесь и по описям собора начала XVII в.⁶⁹

Индития, как и большинство вкладов царя Бориса Федоровича и его семьи, производит впечатление утонченности и в то же время роскоши. Фоном для шитья служит дорогой испанский рытый бархат, где гладкое золотое поле контрастирует с темно-красными бархатными клеймами и причудливо извивающимися веточками с плодами граната, затканными золотыми и серебряными петлями.⁷⁰ Этот легкий, графически тонкий рисунок создает своеобразный ажурный фон, на котором особенно рельефно выделяется шитая золотыми и серебряными нитями изящная композиция. В золотом шитье здесь применено более 15 различных швов и узоров. Эти узоры создаются яркими, густо шитыми, разноцветными прикрепами. Контуры фигур, складки одежд, нимбы, надписи обнизаны жемчугом. Короны и одежды Христа и Богоматери украшены драгоценными камнями. Богатство и красота материала сочетаются здесь с прекрасным мастерством вышивальщицы. О последнем свидетельствуют разнообразие швов, тщательное и аккуратное их исполнение, но более всего — выразительность лиц и всей композиции в целом. Лица и руки вышиты тонким крученым шелком серовато-телесного цвета, атласным швом «по форме», т. е. наложенным по направлению мускулов и создающим объем. В затененных частях лица, чтобы подчеркнуть эту объемность, шито более темным шелком. Лица, особенно трех главных фигур, поражают сочетанием тонких мелких черт с огромными горячими глазами. Особенно значительно лицо Христа: худощавое, обрамленное темно-коричневыми волосами и низко растущей раздвоенной маленькой бородкой, оно красиво и торжественно. Лицо и поза «царицы небесной» отличаются горделивым достоинством. Подчеркнуто умильтельны фигуры и лики преподобных. По-видимому, рисунок для этой композиции был дан царевне хорошим художником, а изящество фигур и поз и некоторая из-

⁶⁸ В. Н. Лазарев. Живопись и скульптура..., стр. 99. Эта икона является одним из самых древних на Руси изображений «Предста царица». Сюжет этот имеется также во фресках 1380 г. церкви Спаса Преображения в Ковалеве близ Новгорода, которые В. Н. Лазарев связывает также с сербской школой живописи, см. «Искусство Новгорода», а также его статью «Ковалевская роспись и проблема южно-славянских связей в русской живописи XIV в.» (Ежегодник Института истории искусств, 1957). Известно еще несколько икон догодуновского времени с изображением «Предста царица», кажется, все новгородского происхождения: икона XV в. в Третьяковской галерее; икона 1562 г. — в Русском музее и икона Софийского Новгородского собора под записью XVII в. (см.: В. И. Антонова, Н. Е. Мнева. Каталог, т. I, стр. 135—136).

⁶⁹ РИБ, т. III, СПб., 1876, стр. 383—385. Следует отметить также, что в 1555 г. Иваном Грозным была подарена в Хиландарский монастырь на Афоне катапетазма с шитым изображением, являющимся вариантом той же композиции (см.: В. В. Стасов. Заметки о древней русской катапетазме. — Известия имп. Археологического общества, т. IV, СПб., 1863, стр. 534—541). Примечательно, что имеется целый ряд примеров, когда в произведениях, связанных с Борисом Годуновым, повторяются композиции памятников вклада Ивана Грозного, причем здесь заметно стремление превзойти последние.

⁷⁰ Такой же испанский бархат имеется на одном из стихарей Соловецкого монастыря, ныне хранящемся в музеях Московского Кремля. (См.: М. Н. Левинсон-Нечаева. Одежда и ткани XVI—XVII вв. — В кн.: Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954, стр. 338, рис. 18). А. Н. Свирин указывает, что «совершенно тождественного узора бархат изображен на портрете 1553 г. Элеоноры Толедской работы Бронзино в Уффици во Флоренции» (Древнерусское шитье. М., 1963, стр. 110). Очень хорош также итальянский рытый бархат на боковых сторонах индитии. В его узор вкомпанованы рога изобилия, цветы, плоды и колосья, пальмовые ветви и короны.

мельченность в трактовке лиц позволяет думать, что он принадлежал к так называемой «годуновской» школе живописи.

В торжественной композиции, сочетающейся здесь с роскошью тканей и жемчуга, нашли отражение живые черты придворного блеска московского двора этого времени. Образы всевластного «царя царем» и гордой «царицы небесной», воплощавшие идеальные представления людей XVI в. о самодержавном государе, как нельзя более соответствовали стремлению Бориса Годунова утвердить в умах современников авторитет своей династии, причем утверждался авторитет не только наследника престола — царевича Федора, но и «дщери» царя. Имя «благоверной царевны Ксении Борисовны» упоминается во всех документах, касающихся венчания на царство Бориса Федоровича,⁷¹ в некоторых жалованных грамотах⁷² и вкладных надписях.⁷³ Ее тезоименная святая «Ксения Римлянина» изображается на заказываемых Борисом Годуновым произведениях.

Ксения как член династии была представлена народу в первый же день воцарения Бориса. После литургии в Успенском соборе царь обходил все главные церкви Кремля и вступил в царские палаты, «держа за руку своего юного наследника, а другою ведя прелестную Ксению».⁷⁴ Это стремление сказывалось и в поисках невесты сыну и жениха дочери среди родственников иностранных государей, и в роскоши царского двора, и в щедрости даров Бориса Годунова в монастыри и церкви, причем в большинстве случаев эти дары посылались от всех членов семьи, в том числе и от царевны Ксении.⁷⁵

Оба произведения, приписываемые Ксении, исполнены в традициях годуновской «светлицы», которая была одной из лучших мастерских художественного шитья конца XVI—начала XVII в. Для этой светлицы характерно большое техническое совершенство исполнения, при котором плотные, аккуратные стежки способствуют выявлению рисунка, даваемого всегда хорошим художником. Вместе с тем здесь отсутствуют живописность и мягкость в трактовке образа, еще встречающиеся в шитьях произведениях второй половины XVI в. Появляются некоторая жесткость и натуралистичность, в значительной степени зависящие от преобладания золотого шитья и жемчуга. Следует отметить, что в произведениях, выполненных до восшествия Бориса на престол, жемчуга и камней еще мало, а в шитье преобладают коричневые тона. Вещи же царского периода, обильно украшенные жемчугом и серебряными дробницами, кажутся ювелирными изделиями.

Индития «Предста царица» выгодно выделяется среди других произведений годуновской «светлицы» не только техническим и художественным мастерством и роскошью материала, но и необычайной выразительностью композиции и индивидуальностью в трактовке ликов. Создается впечатление, что вышивальщица вложила в свое произведение все свои способности и чувства, всю свою душу.

Произведения искусства особенно ярко и глубоко воспринимаются нами, когда мы знаем историческую обстановку, в которой они сложились, мысли и чувства художника, создавшего их. В данном же случае — редкий

⁷¹ ДАИ, т. I, СПб., 1846, № 239; ААЭ, т. II, СПб., 1836, № 1, № 6.

⁷² См., например, №№ 146 и 148 (ДАИ, т. I).

⁷³ Например, на «жемчужной» пелене Загорского музея.

⁷⁴ Карамзин, т. XI, стр. 9 (не ссылается на источник).

⁷⁵ Иногда же дары ее особо выделялись. Так, в письме иерусалимскому патриарху Софронию в 1589 г. Борис писал: «...и дочь моя Аксинья тебе великому господину и государю челом бьет икону Спасов образ да ширинку» (Древняя Русская Вифлиофика, ч. XII, М., 1789, стр. 414).

пример для Древней Руси, когда можно проследить жизнь и переживания одной из создательниц художественных произведений. Ее образ удастся представить благодаря сложной и необычной обстановке на Руси в начале XVII в., породившей целый ряд литературных произведений, в которых царевне Ксении, независимо от социальной или идейной принадлежности их авторов, неизменно посвящаются сочувственные или восторженные строки.

Яркая индивидуальность Ксении привлекла к себе внимание писателей и народных певцов. Созданный ими образ свидетельствует о возросшем в начале XVII в. на Руси интересе к человеческой личности.
